

На следующий день после полудня Чжоу Тун сидел в лавке за книгой. Внезапно тишину нарушил резкий звонок мобильного. Стоило нажать кнопку ответа, как из динамика раздался громоподобный голос Дуань Чжэна — казалось, его было слышно за версту.

Чжоу Тун со вздохом отвёл трубку подальше от уха, слушая, как друг надрывно вопит на том конце провода:

— Сяо Тун! Что делать-то?! — Дуань Чжэн прямо-таки задыхался от возбуждения. — Я тут присмотрел один сине-белый фарфоровый флакон эпохи Мин. Красота неопиcуемая! Сто процентов подлинник! Быстрее загляни в вичат, я тебе уже скинул детальные снимки. Оцени на расстоянии, выручай!

Чжоу Тун лишь покачал головой. Как раз сейчас он собирался выйти, чтобы прикупить кое-какие вещи для защиты от Проклятия Десяти Дней.

— Не нужно, — ответил он. — Ты сейчас где? Я сам приеду.

Толстяк осекся. Поняв, что друг намерен приехать лично, он взволнованно спросил:

— А с тобой точно всё в порядке? Здоровье не подведёт?

— Что, не рад мне? — усмехнулся Чжоу Тун.

— Да как можно! — Дуань Чжэн закивал так рьяно, словно собеседник мог его видеть. — Давай быстрее! Я на Старой улице, в Лавке Исполнения Желаний, дом восемьдесят восемь.

Повесив трубку, Чжоу Тун запер лавку и поймал такси. Минут через десять машина остановилась у входа в узкий переулок. Расплатившись, он вышел на мостовую.

Местные называли этот район просто Старой улицей, хотя у него было и более звучное, официальное название — Улица, обращенная к Небу. Это место исстари славилось торговлей антиквариатом. За вековую историю здесь сложился особый мир, где уживалось абсолютно всё: подлинники и искусные подделки, честный товар и контрабанда. Здесь можно было отыскать вещь на любой, даже самый изысканный вкус — стоило лишь хорошенько поискать.

Дуань Чжэн бывал тут постоянно — каждые пару недель его непременно тянуло поохотиться за сокровищами, так что здешние торговцы знали толстяка в лицо. Чжоу Тун же оказался здесь впервые. Он с любопытством разглядывал витрины. На многих выставленных вещичках теплилась духовная энергия. Глядя на то, как весело и беззаботно пульсирует этот невидимый свет, и вспоминая безвременно угасшие артефакты в собственной лавке, Чжоу Тун мысленно порадовался, что оставил Наконечник Бронзовой Алебарды дома. Принеси он его с собой,

здешним раритетам пришлось бы несладко.

Однако он не заметил, как из-под его полы выскользнул тонкий синий луч и, словно невидимый вихрь, метнулся по обеим сторонам улицы, проникая в лавки.

Ориентируясь по номерам домов, Чжоу Тун без труда отыскал Лавку Исполнения Желаний. Ещё издали он заметил Дуань Чжэна, который нетерпеливо вытягивал шею, высматривая его на дороге. Едва завидев друга, толстяк радостно заколыхался навстречу, бесцеремонно сгреб его под локоть и увлёк внутрь лавки.

— Сюда, сюда, Сяо Тун! Погляди на этого красавца! — Дуань Чжэн с восторгом указал на синеватый фарфоровый сосуд, красовавшийся на столе.

Чжоу Тун мягко улыбнулся:

— Ты торопил меня всю дорогу, а теперь, когда я здесь, даже чаю не нальешь?

Толстяк смущённо покраснел и зычно крикнул в глубь лавки:

— Хозяин, плесните-ка ещё чайку!

Хозяин лавки отозвался и велел помощнику принести чашку, а сам принялся украдкой разглядывать вошедшего.

Этого юношу он видел впервые. Местных авторитетных оценщиков в городе А он знал если не лично, то хотя бы по именам, но это лицо ни о чём ему не говорило.

«Может, подмастерье у какого-нибудь мэтра?.. — подумал лавочник, скользнув взглядом по утончённым, даже слишком интеллигентным чертам Чжоу Туна. — Нет, больно молод. Вряд ли у него хватит опыта раскусить подделку».

Убедив себя в этом, торговец окончательно успокоился. Выставленный на продажу флакон был хоть и искусной, но всё же имитацией. В своё время даже сам хозяин едва не попался на удочку, так что обвести вокруг пальца двух богатеньких и наивных юнцов не составит труда.

В душе он довольно усмехнулся. А он-то, старый дурак, испугался, что этот толстяк приведёт серьёзного эксперта!

В этот момент колокольчик над дверью звякнул, и в лавку вошёл пожилой мужчина — беловолосый, с аккуратной седой бородой, но на редкость бодрый и подтянутый. При виде гостя глаза торговца загорелись, словно перед ним предстал сам бог богатства. Выскочив из-за прилавка, он расплылся в подобострастной улыбке:

— Неужто сам господин Шао пожаловал? Ваше присутствие — великая честь для моей скромной лавки!

Шао Жунхуа даже не взглянул на льстеца. Он окинул помещение придирчивым взглядом и, не найдя ничего достойного внимания, недовольно нахмурился.

Лишь когда его взгляд упал на фарфоровый сосуд, который Чжоу Тун как раз взял в руки, морщины на лбу старика слегка разгладились.

Старец направился к их столику и, указав на сине-белую вазу, спросил хозяина:

— Это тот самый сосуд, что ты выменял на днях?

— Да-да, именно он, — пробормотал лавочник, покрываясь холодной испариной.

«Какая нелёгкая принесла сегодня Божественного взора Шао?» — панически думал он. Шао Жунхуа пользовался на Старой улице непререкаемым авторитетом. О его способности мгновенно распознавать фальшивку ходили легенды. Если этот старик возьмётся за экспертизу, сделке конец!

Лавочник лихорадочно соображал, как бы незаметно отобрать товар, но вещь уже прочно обосновалась в руках молодых людей. Повода для изъятия не нашлось, и торговцу оставалось лишь молча наблюдать, молясь всем богам.

— Позвольте взглянуть, — обратился Шао Жунхуа к Чжоу Туну.

Видя, что тот — пожилой человек, Чжоу Тун велел Дуань Чжэну передать сосуд Шао Жунхуа.

Дуань Чжэн тут же придвинулся к уху друга и зашептал:

— Это Шао Жунхуа, местный авторитет. Глаз у него как у орла, видит всё насквозь. Характер, правда, скверный — на простых смертных вечно смотрит свысока, так что ты не обижайся, если что.

Чжоу Тун лишь понимающе кивнул, ничуть не задетый тоном старика.

Присев на диван, Шао Жунхуа принялся крутить сосуд так и сяк, ощупывая сухими, покрытыми морщинами пальцами гладкую поверхность. Постепенно его суровое лицо смягчилось, губы тронула довольная улыбка, и он наконец удовлетворённо рассмеялся:

— Отличная вещь! Изящная работа, глазурь плотная, сочная, роспись с фигурами красавиц

выполнена тончайшим штрихом... Без сомнения, это подлинное сокровище эпохи Мин, времён правления императора Сюаньдэ!

Торговец, уже мысленно похоронивший сделку, от этих слов воспрянул духом, словно получил мощный заряд адреналина. Его лицо расплылось в довольной ухмылке:

— Какой безупречный вкус, господин Шао! Всё верно, чистейшая эпоха Сюаньдэ!

Дуань Чжэн подскочил на стуле, сияя от гордости:

— Ну я же говорил! Не подвело меня чутьё, ха-ха!

Чжоу Тун, не проронив ни слова, сделал глоток чая. На его губах играла едва заметная полуулыбка — он явно предпочитал оставаться сторонним наблюдателем.

Толстяк, опасаясь, что редкую вещь уведут у него из-под носа, потянулся за бумажником. Шао Жунхуа с явным сожалением перевёл взгляд с фарфора на покупателя — старик и сам не прочь был заполучить этот экземпляр, но правила приличия обязывали уступить тому, кто пришёл первым. Сменив гнев на милость, он благодушно напутствовал Дуань Чжэна:

— Что ж, молодой человек, берегите эту красоту. Такие вещи требуют заботы и уважения, не забывайте об этом.

— О чём речь! Буду пылинки с неё сдувать, как со своей невесты! — заверил Дуань Чжэн и повернулся к лавочнику: — Хозяин, сколько с меня?

— Пятьсот тысяч юаней! — без тени смущения выпалил тот.

Толстяк застыл с полуоткрытым ртом:

— Сколько?! Мы же только что сошлись на двухстах!

— Да что вы, уважаемый, изначально было пятьсот, — с невинным видом возразил лавочник, примиряюще улыбаясь. — Верно, вы ослышались. Сам господин Шао подтвердил подлинность, разве такая ценность может стоить копейки?

Этот аргумент попал не в бровь, а в глаз. Для Дуань Чжэна разница в триста тысяч не была критичной, но чувство, что тебя нагло грабят среди бела дня, всё равно кололо самолюбие.

С другой стороны, впервые в жизни он сам, без подсказок, угадал редкий раритет! Покупка стоила того, чтобы оставить её на память.

Помявшись, толстяк снова полез в карман.

— Погоди-ка, — неторопливый, спокойный голос Чжоу Туна заставил Дуань Чжэна замереть. Он недоуменно обернулся к другу:

— Сяо Тун, ты чего?

— Я закрыл лавку и притащился в такую даль специально по твоему зову, а мне даже рассмотреть вещь толком не дали, — с лёгким упрёком усмехнулся Чжоу Тун.

Дуань Чжэн, отлично помнивший, как тяжело давались другу прошлые визиты на Старую улицу, сразу почувствовал укол совести:

— Прости, дружище, я просто разволновался...

— Раз так, дай мне сперва взглянуть, а потом решишь, платить или нет.

В голосе Чжоу Туна звучала мягкая настойчивость, которой толстяк просто не мог противостоять. Он послушно передал сосуд другу.

Чжоу Тун бегло осмотрел фарфор и почти сразу вернул его — причём не Дуань Чжэну, а прямо в руки растерявшемуся хозяину лавки.

— Благодарим за уделённое время, но мы отказываемся от покупки, — ровно произнёс он, после чего повернулся к другу: — Пойдём.

Дуань Чжэн растерянно захлопал глазами, переводя взгляд с Чжоу Туна на вазу и обратно. Он решительно ничего не понимал: с чего вдруг такой резкий разворот?

Бросившись догонять друга, толстяк взволнованно спросил:

— Сяо Тун, да что стряслось-то?

— Глаз за это не цепляется, — уклонился от прямого ответа Чжоу Тун. — Не лежит у меня к ней душа.

— Чего?! — Дуань Чжэн от неожиданности споткнулся и едва не растянулся на брусчатке.

На профессиональном сленге оценщиков вежливое «глаз не цепляется» означало лишь одно — перед ними фальшивка. Но ведь сам Божественный взор Шао во всеуслышание подтвердил подлинность! Заявление Чжоу Туна прозвучало как гром среди ясного неба.

— Пойдите-ка, молодой человек, — окликнул его Шао Жунхуа. Голос старца так и сочился суровым недовольством. — Объяснитесь. Что именно вам кажется сомнительным?

Чжоу Тун остановился и спокойно повернулся к мастеру:

— Почтенный старец, при всём уважении, с годами даже у лучших замыливается глаз на простейшие истины. На фарфоре эпохи Сюаньдэ клейма ставились повсюду: на крышках, на донце, внутри горлышка и на тулове. В нашей среде не зря говорят: «У Сюаньдэ клейма по всему телу».

Шао Жунхуа резко переменялся в лице. Он выхватил сосуд из рук хозяина и принялся лихорадочно вертеть его перед глазами. На всей поверхности обнаружилось лишь два оттиска. Старик присмотрелся к характеру глазури в местах стыков, и у него в голове словно набат зазвучал.

Ошибиться на столь банальной вещи! И ладно бы сесть в лужу наедине с торговцем — но быть обличённым мальчишкой, которому едва стукнуло двадцать! Позор, несмываемый позор на всю оставшуюся жизнь!

Сгорая от стыда и злости, Шао Жунхуа испепелил торговца яростным взглядом.

Лавочник внутренне завыл от ужаса. Он мгновенно понял: разгневать господина Шао на Старой улице означало поставить крест на собственном бизнесе.

Дуань Чжэн плёлся следом, повесив голову. Очередное фиаско больно ударило по его самолюбию, и он то и дело горько вздыхал.

— Ты ошибаешься уже не в первый и даже не в десятый раз, — с улыбкой попытался подбодрить его Чжоу Тун. — Пора бы уже нарастить толстую кожу, а ты всё раскисаешь как девица.

Толстяк обиженно надулся:

— Сяо Тун, ну зачем же сыпать соль на раны? Где твоя поддержка? Мы же дружим с самого детства!

— Ладно тебе, — Чжоу Тун тихо рассмеялся. Закатное солнце мягко золотило его лицо. Он достал телефон и взглянул на экран. — Почти шесть. Самое время.

— Какое ещё время? — не понял Дуань Чжэн. — Домой собрался?

— Не спеши, — загадочно ответил Чжоу Тун, не отводя взгляда от дисплея.

Ровно в шесть часов экран ожил — пошёл входящий вызов с незнакомого местного номера.

Толстяк вытянул шею, силясь разглядеть цифры: «И кто это ему названивает?»

<http://bllate.org/book/18246/1752554>